

УДК 940.2 (571)

С.В. Селиверстов

**МИССИЯ «ОБРАЗОВАННЫХ ТУЗЕМЦЕВ»: Н.М. ЯДРИНЦЕВ И Г.Н. ПОТАНИН
НА СТРАНИЦАХ «ТОМСКИХ ГУБЕРНСКИХ ВЕДОМОСТЕЙ» (СЕРЕДИНА 1860-х ГОДОВ)**

В середине 1860-х годов «Томские губернские ведомости» стали своеобразным рупором сибирского патриотизма. Н.М. Ядринцев и Г.Н. Потанин, приехавшие из Омска, принесли новый дух региональных идей. Показана их публицистическая «специализация». Н.М. Ядринцев выступил как публицист-лидер, которому принадлежат статьи по актуальным темам: необходимость университета; общественная жизнь; Сибирь и цивилизация. В статьях Г.Н. Потанина показаны особенности сибирского климата в контексте нового понятия «европейско-азиатский материк». Также оба автора поднимали тему этнографического, европейско-азиатского своеобразия Сибири. В целом, социально-идейные и естественнонаучные публикации в «Томских губернских ведомостях» в 1864 и 1865 гг. явились важным этапом в развитии сибирской общественной мысли и точкой отсчета для последующего развития областнических идей.

Ключевые слова: Сибирь, «Томские губернские ведомости», Г.Н. Потанин, Н.М. Ядринцев, «сибирефильство», цивилизация, европейско-азиатский материк, сибирская общественная мысль.

Заметным и во многом неожиданным явлением в сибирской публицистике середины 1860-х годов стали «Томские губернские ведомости». На короткий период, благодаря участию Н.М. Ядринцева и Г.Н. Потанина, газета явила собою своеобразный рупор сибирского патриотизма. Казалось бы, на страницах этой газеты для такого всплеска не было предпосылок. Но тем не менее «Томские губернские ведомости» стали местом выражения региональных патриотических идей. Как заметил С.Г. Сватиков, статьи в «Томских губернских ведомостях» «чрезвычайно характерны для Сибирского кружка». Они показывают, «как широко понимали руководители Сибирского кружка идею особенности Сибири, как страстно и горячо проповедовали... свои идеи». А ведь излагались они в официальном провинциальном органе, «в условиях довольно строгой цензуры» [1. С. 55, 57].

С сентября 1865 г. под неофициальной частью газеты появляется фамилия редактора Д.Л. Кузнецова, учителя словесности Томской гимназии, по чьей инициативе в 1863 г. в городе была открыта публичная библиотека. Когда в 1864 г. Г.Н. Потанина направили из Омска в Томск секретарем статистического комитета, то он, как отмечает А.В. Адрианов, «прежде всего свел близкое знакомство с наиболее выдающимся в городе человеком, учителем гимназии Д.Л. Кузнецовым». Более того, завязав в Томске новые знакомства, Г.Н. Потанин «тотчас же выписывает Ядринцева из Омска, убеждая его использовать возможность сотрудничества в “Том[ских] губ[ернских] ведом[остях]”» [2. Т. 1. С. 341]. Н.М. Ядринцев, конечно, откликнулся. Ведь Г.Н. Потанина «он обожал и чтил... как отца и готов был следовать за ним куда угодно».

На субботних вечерах у Д.Л. Кузнецова ими стали обсуждаться в том числе дела газеты «Томские губернские ведомости» [2. Т. 1. С. 345, 351]. За период 1864–1865 гг. в этой газете, указывает М.В. Шиловский, было опубликовано более 20 статей областников [3. С. 52].

Обращает на себя внимание публицистическая «специализация» Н.М. Ядринцева и Г.Н. Потанина. Н.М. Ядринцев, который хотя и был моложе Г.Н. Потанина на семь лет, но тем не менее выступил как лидер – ему принадлежат «наступательные» патриотические статьи. Публикация «сибирефильских» идей в официальной газете за считанные месяцы до майских арестов в высшей степени примечательна. Именно тогда Н.М. Ядринцев начинает в печати рассматривать Сибирь как колонию [4]. При этом он нередко употребляет слова «самобытность», «самобытное развитие», пишет, что в Сибири «должны развиваться самобытно и свободно народно-славянские силы» [4; 5]. Он также критикует сибирскую молодежь, представители которой «не пропитываются общим духом любви к родине, не вырабатывают никаких самобытных идей в интересах своего края и остаются космополитами, чуждыми своей земле, чуждыми своему народу». Поэтому Сибири необходимы, как выразился Н.М. Ядринцев, «образованные туземцы», которые будут пропитаны «любовью к месту рождения и воспитания» [6]. Именно такими «образованными туземцами» и были сами авторы патриотических статей.

Еще одной характерной чертой раннего «сибирефильства» было стремление к единству всей Сибири, можно сказать, своеобразный «пансибиризм». Н.М. Ядринцев акцентирует внимание на

том, что сибирские проблемы и перспективы относятся именно ко «всей Сибири». Пусть же «сибирское общество, – восклицает он, – соединится от Урала до Восточного океана, чтобы создать новую жизнь Сибири». Им критикуется разьединенность сибиряков, отсутствие общих дел, которые могли бы объединить «всю Сибирь». А ведь она нуждается в том, что «должно быть обдуманно коллективным умом всей Сибири» [5]. Областники с самого начала своей деятельности смотрели с общесибирской точки зрения. Такой подход был важен потому, что Сибирь – регион одновременно «русский» и «нерусский». Начав с противопоставления интересов «русской» Сибири интересам собственно России, «сибирефилы» уже в середине 1860-х гг. постепенно включали в актуальный контекст областничества коренные народы. Н.М. Ядринцев даже сравнивает исконных жителей Сибири с участниками испанской народной герильи против Наполеона. Русские сибиряки, по его представлению, должны протянуть руку этим «сибирским гверильясам», с которыми «период вражды кончен», и которые «должны одинаково разделить общую судьбу в истории Сибири». Он отмечает, что «территориальные и гуманные интересы их одинаковы и потому в будущем они должны дружески относиться друг к другу» [7]. Подобное отношение, как верно заметил С.Г. Сватиков, «расширило смысл и значение сибирского областничества до идеи представительства и защиты общих интересов *всех* обитателей *Северной Азии*» [1. С. 4]. Таковы были на страницах «Томских губернских ведомостей» в середине 1860-х гг. «признаки зарождающегося самосознания» [8. С. 21], того самосознания, в котором сочетались местный патриотизм, своеобразный «пансибиризм», представление о колонии, стремление к самобытности.

Без сомнения, полемические статьи 1865 г. проникнуты настоящей «патриотической любовью» к Сибири, верой в ее новую «занимающуюся зарю» [5]. Однако, в чем же должна была заключаться «самобытность» новой Сибири как большого и своеобразного региона? Н.М. Ядринцев не скрывает своих приоритетов. Образец для Сибири, считает он, – это та «блестящая цивилизация», которую «вырабатывают передовые народы и которой рукоплещет весь мир». Поэтому те, кто отказывает Сибири в будущем, пытаются отнять у нее «общечеловеческое право на цивилизацию». Сибирь на новом этапе своего развития должна «предъявить права свои на цивилизацию, доставшуюся в удел всему человечеству, без климатических привилегий и ограничений» [5]. По его мне-

нию, необходимо «вывести» народ Сибири «на путь цивилизации и исторического прогресса» [4].

Таким образом, ключевым понятием, от которого отталкивается Н.М. Ядринцев, является «цивилизация», притом понимаемая как «общечеловеческая». Используется и понятие «прогресс». Так, «по историческому закону мирового прогресса», – пишет он, – молодежь будет лучше предыдущего поколения. Что касается содержания чаемой «цивилизации», то он подчеркивает: пора осознать сибирскому обществу, что «цивилизация состоит не исключительно в наружном блеске... а в приобретении знаний» [9].

Сибирефильство Н.М. Ядринцева в 1865 г. основывалось на «общечеловеческих» идеях. Призывая к «самобытному» развитию по стандарту общечеловеческой цивилизации, он ни в коей мере не идеализировал прошлое. Поэтому его воззрения, это не региональный аналог славянофильства, а сибирский европеизм. В этом смысле Н.М. Ядринцев не просто западник, но именно своеобразный сибирский западник. Еще в январе 1864 г., в одной из самых первых своих печатных работ – «По поводу Сибирского университета» Н.М. Ядринцев рассматривает Сибирь в самом широком контексте. Он указывает на желательность «европейской» ориентации Сибири, которая должна стать страной, «полной всеми благами цивилизации», и при этом масштабно пишет: «Сибири суждена роль – создать ту цивилизацию, которая будет служить последним звеном, смыкающим образованные народы умеренного пояса северного полушария» [6]. Очевидно, что здесь речь идет о глобальном цивилизационном «поясе», состоящем из Европы, Северной Америки, России и, наконец, Сибири, в котором будет существовать единая цивилизация «образованных народов».

У «прорастаемого» в 1860-х гг. сибирефильства имеется не только социально-идейная сторона (которую развивал Н.М. Ядринцев), но и естественнонаучная. В этом аспекте интересен подход Г.Н. Потанина, который в марте–апреле 1865 г. публикует большую научно-популярную работу – «Климат и люди Сибири», в которой отмечает главную особенность сибирского климата – его материковый, континентальный характер – и при этом считает возможным отнести европейскую Россию к «морскому климату». Вывод его весьма категоричен – климаты «этих двух соседних стран» (России и Сибири) «принадлежат к двум противоположным типам», а потому у России больше климатического родства с Западной Европой, нежели с Сибирью [10].

Все это свидетельствует о том, что сибирефилам в естественнонаучном аспекте необходима была новая система координат. И у Г.Н. Потанина (уже в 1865 г.) такое понимание географического контекста, в котором находится и позиционируется Сибирь, появляется. При рассмотрении природного своеобразия Западной Европы, России и Сибири им формулируется такое понятие, как «европейско-азиатский материк» [10]. Для своего времени это была новая формулировка. Ведь, например, Н.Я. Данилевский, аргументировавший тезис о Европе как западном полуострове Азиатского материка, в 1865 г. только приступал к написанию «России и Европы», а В.И. Ламанский опубликовал трактат об «Азийско-европейском материке» еще позже – в 1892 г. [11]. Таким образом, необходимость осмысления специфики Сибири в широком географическом плане привела сибирефилов к понятию «европейско-азиатский материк» даже раньше, чем других российских ученых. И в этом была своя логика, так как для уяснения своеобразия сибирского региона в первую очередь необходимо было его сравнительное восприятие в широком континентальном контексте. Также и с другой стороны: осмысление европейско-азиатского пространства не могло не привести к изучению конкретных регионов. В том числе и одного из наиболее значительных – Сибири.

Кроме того, Г.Н. Потанин считает, что в результате влияния особенностей континентального климата «рано или поздно мы должны утратить признаки прежней своей расы и приобрести новые черты лица, новые черты характера» [12], образовать «общий смешанный тип сибиряка». Примечательно, что, несмотря на всю «европейскую» ориентацию, азиатский аспект появляется в сибирефильстве тогда же, в середине 1860-х гг., и появляется применительно не к внешним, а к внутренним, этническим вопросам. Следует подчеркнуть, что представления Н.М. Ядринцева о европейской цивилизации парадоксальным образом сочетаются с признанием этнокультурного, европейско-азиатского многообразия Сибири. Еще А.П. Щапов, а за ним и Н.М. Ядринцев, обратил внимание на ту особенность сибирского населения, что оно является результатом «племенного смешения великорусского племени с племенами азиатскими» [13; 14].

По представлениям А.П. Щапова и Н.М. Ядринцева, в течение многих веков «в великую сибирскую низменность стекались целыми потоками различные народы и племена... Центральной Азии» (угро-финская «чудь», племена монгольские и «турко-татарские»), которые и создавали в

Сибири различные первоначальные «племенные комбинации». До появления славян в Сибири наиболее многочисленными были «турко-татарские» народы, поэтому именно они «одержали верх» над финскими племенами и частью над монгольскими и стали «преобладающим элементом в сибирской метисации». Особенно усиливается «турко-татарское» владычество в Сибири в XV–XVI вв. вместе с распространением ислама. Таким образом, цитирует Н.М. Ядринцев А.П. Щапова, «Сибири угрожала роль новой азиатской турко-татарской империи». Однако с запада, из-за Урала (из Восточной Европы) явилось «новое славяно-русское племя», которое в конечном счете одержало верх в Сибири и политически, и этнографически [14].

При этом русские «восприняли новые черты», как река принимает в себя многочисленные ручьи. «Русское племя» все больше и больше «подкреплялось восприятием и ассимиляцией в свой национальный физиологический состав непрерывных притоков свежей крови туземных природных племен». В результате «русское племя... претворяется в совершенно особенный тип, *тип Сибирский*», который «совокупил в себе свойства азиатских племен со свойствами европейско-русской расы» [14].

По представлению А.П. Щапова, «сибирский тип» все же не стал «новой нацией», но тем не менее «развивается довольно заметная областная разновидность великорусского народа, с особенным смешанным европейско-сибирским характером» [15]. Типические различия отразились даже в названиях. Так, собственно русское население в Сибири именуют «маганым» (от якутского – белый), а европейско-азиатских сибиряков, метисов – «карымами» (от тюрко-монгольского – черный). Однако вопрос об отношении сибирского типа к чисто великорусскому остается открытым. «Как бы ни было нам приятно принадлежать к европейскому типу», – пишет Н.М. Ядринцев, – но при настоящем недостатке точных антропологических исследований о «карымах», определенно выражаться о перевесе над ним типа маганых значило бы брать слишком много на свою собственную ответственность. Ибо кто может поручиться, что при тщательном исследовании... не окажется, что мы гораздо больше югро-финны или калмыко-буряты, чем это нам кажется из наших поверхностных впечатлений» [15].

Таким образом, Н.М. Ядринцев, вслед за А.П. Щаповым, указывает на две антрополого-этнографические стороны исторической и реальной Сибири – изначальную азиатскую и вторич-

ную европейскую, а также на то, что между ними в XVI–XIX вв. имело место активное взаимодействие, которое и привело к формированию нового сибирского, европейско-азиатского типа. Однако при этом в цивилизационном плане Н.М. Ядринцев являлся абсолютным европейцем. Поэтому «нечего бояться, – пишет он, – если б даже и такой скандал случился, если б было доказано, что мы чуть-чуть не самоеды, только говорящие по-русски», то «это у нас не отняло бы права на европейскую цивилизацию» [14]. То есть если реальное историческое европейско-азиатское сообщество сибирских народов, этносов весьма разнообразно, то тем не менее настоящая цивилизация, в понимании Н.М. Ядринцева, только одна.

Публикации Н.М. Ядринцева и Г.Н. Потанина на страницах «Томских губернских ведомостей» свидетельствуют о том, что в середине 1860-х гг. молодая сибирская общественная мысль была на подъеме. О научных планах молодых сибирефилов накануне арестов говорит письмо Г.Н. Потанина А.Д. Шайтанову в Петербург (март 1865 г.). «Мы затеваем сборник Сибирский», – пишет Г.Н. Потанин, и дальше перечисляет его программу: история колонизации и управления Сибири; естественноисторические особенности; экономические условия; историческое развитие умственных сил Сибири [16. Т. 1. С. 39]. Политические обстоятельства, как известно, прервали этот интеллектуальный подъем. Тем не менее Г.Н. Потанин, по словам А.В. Адрианова, в 1864–1865 гг. «стал фокусом местной умственной жизни» «и за короткий промежуток своего пребывания здесь... успел развернуть свой организаторский талант и сделать эту полосу в жизни самого Томска достаточно яркой» [2. Т. 1. С. 341, 342].

Таким образом, и социально-идейные, и естественнонаучные публикации в «Томских губернских ведомостях» середины 1860-х гг. стали, во-первых, важным этапом в развитии сибирской

общественной мысли, определенным итогом «внутренних» интенсивных размышлений молодых сибирефилов первой половины 1860-х годов, и, во-вторых, своеобразной точкой отсчета для последующего развития областнических идей.

Г.Н. Потанин и Н.М. Ядринцев жизнью и деятельностью своей в 1865 году убеждали: патриотическая миссия «образованных туземцев» (к которой они призывали молодых сибиряков) – выполняема.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сватиков С.Г. Россия и Сибирь (К истории сибирского областничества в XIX в.). Прага, 1929.
2. Адрианов А.В. Томская старина // Труды Музея археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского ТГУ. Томск, 2002.
3. Шиловский М.В. Сибирское областничество в общественно-политической жизни региона во второй половине XIX – первой четверти XX в. Новосибирск, 2008.
4. Ядринцев Н.М. Сибирь перед судом русской литературы // Томские губернские ведомости. 1865. № 9.
5. Ядринцев Н.М. Сибирь в 1-е января 1865 года // Томские губернские ведомости. 1865. № 1.
6. Ядринцев Н.М. По поводу Сибирского университета // Томские губернские ведомости. 1864. № 5.
7. Ядринцев Н.М. Этнологические особенности сибирского населения // Томские губернские ведомости. 1865. № 17–18.
8. Потанин Г.Н. Областническая тенденция в Сибири. Томск, 1907.
9. Ядринцев Н.М. Общественная жизнь в Сибири // Томские губернские ведомости. 1865. № 4, 5.
10. Потанин Г.Н. Климат и люди Сибири // Томские губернские ведомости. 1865. № 12.
11. Ламанский В.И. Три мира Азийско-европейского материка. СПб., 1892.
12. Потанин Г.Н. Климат и люди Сибири // Томские губернские ведомости. 1865. № 13.
13. Шапов А.П. Этнологическое развитие сибирского населения // Русское слово. 1865. № 1.
14. Ядринцев Н.М. Этнологические особенности сибирского населения // Томские губернские ведомости. 1865. № 15.
15. Ядринцев Н.М. Этнологические особенности сибирского населения // Томские губернские ведомости. 1865. № 7–18.
16. Потанин Г.Н. Письма. Иркутск, 1977.